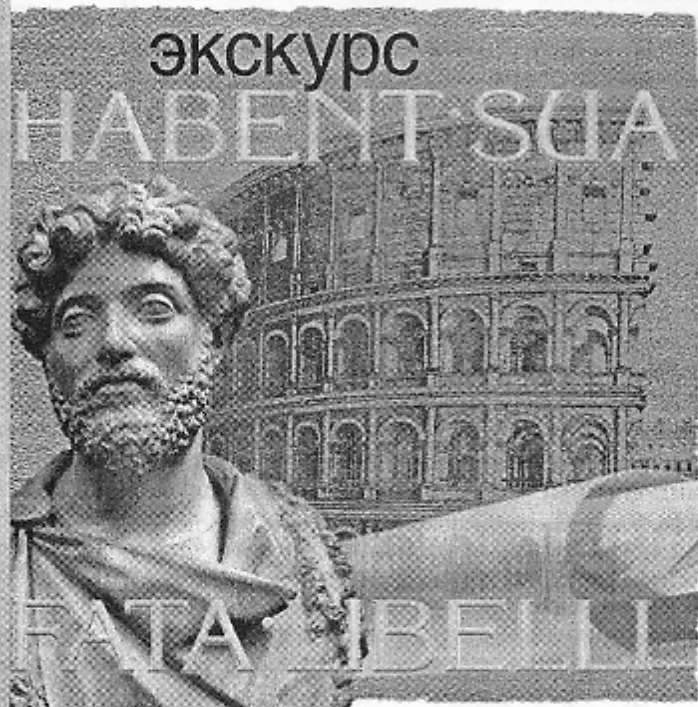

Книжный мир Древнего Рима: историко- культурный экскурс

Тема настоящей статьи актуальна для истории библиотечного дела, особенно потому, что дает необходимый фактический материал для построения выводов, обобщений и пр. Заинтересованный профессиональный читатель, несомненно, понимает ценность исторических свидетельств для профессионального самосознания. Кроме того, ему интересно знать, какими книгами пользовались ранние жители Европы, как они читали, насколько широко распространялась книжная и читательская культура в тогдашнем обществе?

Любой школьник или студент знает, что когда-то существовали государства Междуречья, которые были настолько развиты, что обладали письменной культурой, зафиксированной и знакомой нам по глиняным табличкам древних. Эти таблички очень удобны по форме, но требуют, во-первых, только клинописи в качестве алфавита, во-вторых, отличаются крайне грязным способом записи, т. к. глина пачкается, а в-третьих, их, единожды использовав, можно лишь хранить. Все это понимали и древние, по видимому, сначала греки, которые использовали иной алфавит и были весьма изобретательны. Как бы там ни было, но первоначальной формой древнеримского документа, книги в том числе, была именно табличка, претерпевшая значительные изменения по сравнению со своим глиняным прототипом. В подтверждение этих слов отметим, что пер-

Вый свод законов Рима так и назывался – законы XII таблиц (*duodecim tabulae*). Табличка для письма представляла собой дощечку из твердых пород дерева, например, бука, покрытую воском с одной либо двух сторон [1, с. 411]. Несколько наощенных табличек (*tabula cerata*) уже представляли собой книгу, т. н. кодекс (*codex*) [2, с. 153]. Для письма римляне использовали металлический грифель – стиль, одной, острой стороной которого выцарапывали на воске буквы, а другой, плоской, затирали написанное. Стиль для письма назывался «скрипторий» (*scriptorium*), и только в христианское время это слово закрепилось за отдельным помещением для переписчиков книг, как правило, в стенах монастыря [2, с. 692]. Преимущество римских табличек для письма перед месопотамскими очевидны, ведь они были многоразового использования, транспортабельны, дешевы, что в совокупности предопределило их долгую жизнь – таблички пережили саму Римскую империю и господствовали в Средние века и далее. Труды всех римских писателей, поэтов, ученых так и пестрят упоминаниями о табличках для письма, которые использовались не только в литературной, но и торговой, юридической, военной, хозяйственно-экономической, личной, общественной, управленческой деятельности. Кодексы, т. е. собрание нескольких табличек воедино, могли быть небольшого размера, как письма, а также достаточно объемными, как учетные, долговые книги, списки и др. Если существовала необходимость защитить конфиденциальность информации, то римлянин перевязывал таблички шнуром, продетым сквозь отверстие в их углу, и скреплял концы шнура восковой печатью.

История библиотечного дела представляет собой гражданскую историю общества, рассматриваемую сквозь призму объекта изучения. Поэтому основными вехами истории библиотечного дела являются даты и периоды общей гражданской истории, из которых следует сделать соответствующие объекту познания выводы.

Итак, для дальнейшего развития книжного дела в Древнем Риме, с нашей точки зрения, существенны два события. Первое из них по хронологии – это смерть в 133 г. до н. э. одного из эллинистических владык Малой Азии – Аттала III Филометора, царя Пергама, который завещал свое царство Риму. Римский сенат, недолго думая, согласился с завещанием, послал в Пергамское царство наместника с войсками, которые подавили восстание сводного брата царя Аттала Аристоника и вступили во владение наследством [3, с. 269, 521]. Второе – это громкая победа при мысе Акции в 31 г. до н. э., когда император Октавиан Август разбил в морской битве объединенный флот Марка Антония и египетской царицы Клеопатры. Значит, уже со следующего года Египет стал римской провинцией.

Присоединение к Риму Пергамского царства, среди прочих выгод, открыло широкую дорогу для поставок на рынок Вечного Города пергамента, а Египта, соответственно, – папируса. Это вовсе не должно означать, что римляне не знали этих заменителей теперешней бумаги до того, но одно дело отдавать большие деньги за ценный товар, необходимый очень многим, а совсем иное – осуществлять внутренние, возможно, оптовые поставки и за-

купки того же самого товара. Бумага в античном мире была товаром стратегическим, на котором возможно было сколотить огромное состояние. Например, даже во времена хаоса и упадка в империи некий Фирм, попытавшийся узурпировать императорскую власть в Египте, а именно из Египта шла основная масса папируса для нужд древнеримского общества вплоть до падения империи [4, с. 287], «... имел столько бумаги, что не раз открыто говорил, что он может прокормить целое войско папирусом и клеем» [4, с. 312].

С этимологической точки зрения очевидно, что римляне давно использовали папирус, вероятно, через посредство греков. Римляне различали папирус как материал, растение и бумагу, изготовленную из него (слово «бумага» им было, естественно, незнакомо). Так, по-латински растение папирус (*Cyperus Papyrus, L.*) будет *papyrus*, *papyrum*, *biblos*, заросли его же – *papyrio*, куст папируса – *charta* [2, с. 102, 137, 552]. Заметим, что мы не зря вспомнили греков, поскольку все приведенные слова имеют греческое происхождение и лишь заимствованы латынью. Любопытны производные от слова «*papyrus*»: «*papyraceus*» – приготовленный из папируса, например, *papyraceus navis* – папирусное судно; «*papyrinus*» – папирусовый, например, *papyrinus stilus* – папирусовый стиль, тростинка; «*biblinus*» – написанный на папирусе, например, *biblinus epistulae* – написанное на папирусе письмо [2, с. 102, 552].

Если римляне имели в виду то, что мы сегодня называем бумагой, то использовали, как правило, другой многозначный термин – «*charta*», означающий лист папируса, т. е. бумагу в переносном смысле, а также, как уже отмечалось выше, куст растения папирус [2, с. 137]. Римляне знали много видов этих папирусовых листов или бумаги – лощеную, промокательную, оборотную и пр., что косвенно свидетельствует о существовании античной бумажной индустрии, по крайней мере, в крупных городах империи (для Александрии это засвидетельствовано [4, с. 312; 5, с. 134–135]). Распространением бумаги среди потребителей занимались хартопраты (*chartoprates*, слово греческое), т. е. торговцы бумагой, листами папируса.

После того, как римляне были уже хорошо знакомы с папирусной бумагой, ее использованием и свойствами, им открылись новые возможности, а именно – пергамент. Он возник в Малой Азии, природные и климатические условия которой идеальны для скотоводства, особенно в равнинной части. Скотоводство служило источником огромного количества кожи, которая была крайне необходима в античные времена, хотя бы для обтягивания щитов и производства обуви. Кожи было настолько много, что ее хватало не только на бытовые нужды, но и на некоторые излишества типа писчего материала. Этот материал, конечно, дороже папирусовых листов, однако, во-первых, местного производства, а во-вторых, значительно прочнее. Название новому писемому материалу долго придумывать не пришлось, т. к. римляне пошли по пути аналогии: было знакомое яблоко, стало кидонское яблоко – айва, пуническое яблоко – гранат, когда к обозначению предмета добавлялось географическое определение. Так, был папирусовый лист (*charta*), стал пер-

гамент (pergamena charta) [2, с. 569], т. е. в буквальном переводе «пергамский папирус».

На основании новых видов материальных носителей – папирусной бумаги и пергамента – в Древнем Риме были созданы новые формы книги: свиток и тетрадь. Этот факт зафиксирован во всех учебниках по истории библиотечного дела, но что конкретно представляла собой римская книга-свиток?

В одной из элегий Альбия Тибулла находим:

Желтым пергаментом я оберну белоснежную книжку,

С кожи очистив сперва пемзою пепельный пух;
Сверху на тонком листе папируса сделаю надпись,

Чтобы те буквы векам имя вещали твое,
А на обоих концах раскрашу рога я у палки...

[1, с. 206].

Читаем у Гая Валерия Катулла:

...папирус у него царский,

На новых палках, шнур и переплет – красны,
Свинцом линован свиток и оттерт пемзой

[6, с. 16].

Сатирик Персий сообщает подробности:

Вот уже книга в руках, лощеный двухцветный пергамент,

Свиток бумаги и с ней узловатый тростник для писанья.

Тут мы ворчим, что с пера не стекают густые чернила

Или разбавлены так, что они совершенно бесцветны

И, не держась на пере, огромные делают кляксы [7, с. 103].

Из сказанного вырисовывается следующая технология создания древнеримской книги: текст писался на одной стороне папирусных листов тростинкой, остро заточенной (у греков и арабов называвшейся «калам») и смоченной чернилами, затем эти исписанные листы стыковались друг с другом – Луцилий говорит: «Переплетчик! Теплым клеем книгу склей готовую» [8] – и навивались на палку. Такой свиток (*libros volvere, pervoltare*) уже можно было разворачивать для использования (*volumen explicare, evolvere*) [2, с. 449, 832], но неудобно, ибо во-первых, есть вероятность испортить текст, а во-вторых, он будет разворачиваться, когда это не нужно владельцу. Поэтому книга требует окончательного оформления: выбирается подходящая по толщине палка, на которую навивается свиток, а затем этот свиток обертывается сверху куском пергамента, который может быть окрашен, например, в желтый либо красный цвет, и, наконец, к пергаменту, как к обложке, прикрепляется шнур, который обвязывает весь свиток вместе с переплетом, не позволяя ему раскручиваться зря.

Насчет внутреннего или художественного оформления свитка можно сказать, что строки для удобства пишущего были ровно разлинованы свинцом, обрез книги зачищен пемзой [6, с. 5], верхний и нижний обрезы, особенно в дорогих подносных экземплярах, часто окрашивались, равно как и сам переплет, концы (рога) палки, за которые держал книгу читатель [6, с. 213, 225]. Римская книга в форме свитка была небольшого формата, шириной с современную тетрадь. Если же для книги брался пер-

гамент, то получался не свиток, а пергаментная тетрадь, для чего листы пергамента складывали пополам, придавая необходимую форму и формат. Формат пергаментной тетради, вероятно, был больше, нежели папирусного свитка, т. к. кожа есть дорогой материал, который нецелесообразно резать на мелкие и узкие части. Пергамент делали из кожи, очищенной от волос, и одну его сторону покрывали желтой краской, о чем говорится в приведенном фрагменте Персия.

Все три формы римской книги – табличка, свиток и тетрадь – играли важную роль в интеллектуальной и общественной деятельности римлян вне сословных границ.

Плиний Младший в одном из своих писем характеризует идеал интеллектуальной работы римлянина как литературную деятельность, т. е. письмо и чтение, которой следует заниматься уединенно, на лоне природы [9, с. 11]. Свое рассмотрение мы начнем с письма, написания различных трудов.

Латынь богата производными от глагола «писать»: писец, секретарь, писарь, переписчик (*scriba*), нотариус, книгопродавец (*libellio*), писец (*librariolus*), книготорговец, учитель грамоты, переписчик (*librarius*) [2, с. 449–451, 692]. Если при этом учесть, что писательством в той или иной форме занимались не только граждане Рима – плебеи, всадники, патриции, но и рабы, вольноотпущенники, заезжие греки и пр., то становится понятной значительная роль грамоты и письма в Древнем Риме. Гораций свидетельствует, что над его произведениями, точнее, их переписыванием, «не потеет ни черни рука, ни рука Гермогена» [10, с. 226], что означает работу над книгами не только рабов-переписчиков, но, вероятно, и более квалифицированных вольноотпущенников, свободных граждан (в данном случае – грека Гермогена). Плутарх считает, что главным богатством патриция и полководца, участника первого триумvirата Марка Красса являлись не рудники и недвижимость, а множество грамотных рабов: «...все это можно было считать ничтожным по сравнению со стоимостью его рабов – столькими владел он, да притом такими, как чтецы, писцы...» [3, с. 332]. Патриции не расставались с рабами-скорписцами, стенографистами даже в дороге, используя для этого крытые носилки, в которых они продолжали диктовать и слушать чтение.

Римляне использовали для письма различные виды бумаги из папируса – лощеную, промокательную и др., а также пергамент различной выделки. Кроме того, они применяли черновики: восковые таблички, оборотную сторону свитков и палимпсест [2, с. 137; 6, с. 16]. Если случались помарки, описки, нужда стереть написанное, то это делали с помощью влажной губки, причем не только с пергамента, но и с папируса [11]. Римская знать и, вероятно, обычные граждане тоже писали лежа, как говорит Персий, – «...на ложах лимонных пишется лежа» [7, с. 99]. Это не должно удивлять, если вспомнить, что римляне, равно и греки, даже ели лежа, а именно полулежа, приподнявшись на левом локте. Профессиональные писцы использовали для письма сидячее место, пульт, напоминающий современные кафедру и студенческую скамью, соединенные воедино, и часто

встречающийся в средневековых изображениях.

Естественно, что для письма и чтения должна была существовать система обучения грамотности, и Рим обладал такой системой. Образование началось с грамматики латинского и греческого языков, постепенно переходя к риторике, развивавшей искусство владения устным и письменным словом, что было жизненно необходимо при общественной системе, как в Риме [9, с. 307]. До диалектики и философии, конечно, доходили только единицы. Римская школа обладала хорошим учебно-методическим обеспечением: существовали грамматика латинского языка в разных редакциях, собрания учебных декламаций, собрания сведений, организованных для наилучшего запоминания и др. Петроний упоминает «книги с красными строками» [12, с. 261], т. е. сборники законов с выделенными рубриками, а Ювенал в сатирах говорит о существовании учебников по риторике [13]. Интересно отметить, что риторика в ту эпоху была «королевой» наук и любой прохожий, к примеру, мог зайти в школу послушать, как дети произносят свои тренировочные речи на заданные темы. В результате общий уровень грамотности населения империи был достаточно высок, что давало возможность, например, Овидию походя заметить, что оставленную им табличку с текстом «...каждый прохожий прочтет» [14, с. 60].

Все это в совокупности порождало массу литературного и письменного товара: книги, свитки, таблички с текстом различного содержания, что, в свою очередь, требовало наличия общественной системы распространения и использования документов. В Древнем Риме она состояла из книжной торговли, архивов и библиотек.

Книжная торговля в Риме была представлена книжными лавками (*libraria*), которых, вероятно, было много и их ассортимент вполне отвечал вкусам читающей публики. Катулл грозит своему приятелю, что в ответ на подаренную перед праздником книгу дурного поэта, он:

...чуть свет побегу по книжным лавкам,
Там я Цезиев всех и всех Аквинов,
И Суффена куплю – набор всех ядов! [6, с. 13].

Тот же автор, разыскивая своего пропавшего друга, обегал весь город, «во всех был книжных лавках» [6, с. 32]. Гораций даже уточняет местоположение этих лавок:

Кажется, книжка, глядишь на Вертумн и на
Януса свод ты –
Хочешь стоять на виду, знать, приглажена
Сосиев пемзой [10, с. 324].

Имеется в виду центр города – Римский форум, храм Вертумна, рядом с которым были три арки (Януса свод), среднюю из которых занимала финансовая элита, менялы, а в одной из других торговали книгами [10, с. 389, 397]. Интересно, что Гораций сделал отличную рекламу книготорговцам Сосиям, чье имя он, фактически, обессмертил, т. к. они и сегодня называются самыми известными книгопродавцами Рима [2, с. 718]. Впрочем, книготорговцы (*bibliopola*, *libellio*, *librarius*) сами знали толк в рекламе:

В книжных лавках нет вовсе моих сочинений,
не видно

Объявлений о них, прибитых к столбам
[10, с. 226].

Речь идет о первых образцах темпланов издательств как особом виде документа, поскольку в римскую эпоху распространением книг занимались в основном книготорговцы, державшие для этих целей штат рабов-переписчиков, а также вольноотпущенников. Некоторые богатые и знатные римляне, однако, могли сами «издать» книгу, прибегая к тому же приему [9, с. 63]. Все это приносило книжной торговле весомые плоды:

Книга такая и Сосиям деньги приносит; и славу,
Долгих лет славу поэту дает, и моря
преплывает [10, с. 351].

Намек Горация насчет того, что хорошая книга переплывает моря, далеко не случаен – это есть указание на наличие международной, а также внутриимперской книжной торговли. Книжным центром был не один Рим, но и другие крупные города империи – Константинополь, Карфаген, Антиохия, Александрия, Афины, Бурдигала, Медиолан и пр. А как быть с нераспроданными, дурными книгами? Здесь отметим, что римляне отличались не только пресловутой воинственностью, но и сугубой практичностью. Такие книги служили отличной оберточной для ладана, пряностей и т. п. москательных товаров, а также рыбы [7, с. 99].

Любая империя, в том числе Римская, управляется с помощью отлаженного и разветвленного бюрократического аппарата, который порождает множество различных документов – решений, постановлений, указов, законов, протоколов и т. д. Все эти документы важны для дальнейшей работы управленцев империи и поэтому собираются в архивах (*chartarium*, *tabularium*). Из латинского их названия видно, что архивы собирали свитки, таблички, а позже, несомненно, и пергаментные тетради. Архивы Римского государства можно разделить на две группы: государственные и личные, частные архивы. Римские государственные архивы, по словам Апулея, отличались четкостью, скрупулезностью и буквоедством в работе: «...сам проконсул говорит сидя, вполголоса, с большими перерывами и чаще всего читает по табличке. Да оно и понятно: зычный крик – это служба глашатая, а таблички – постановление проконсула, в котором, коль скоро оно было оглашено, нельзя ни прибавить, ни убавить ни единой буквы; как его прочитали – в такой же точно форме и передают в архив провинции» [15, с. 327]. Из сообщения видно, что архивами обладали не только Рим, но и провинции. Архивы могли создаваться различными органами государственной власти, например, для времени императора Аврелиана засвидетельствовано существование архива городской префектуры Рима [4, с. 270]. Римские государственные архивы находились, обыкновенно, при различных храмах, а главный государственный архив был устроен на Капитолии за храмом Сатурна, вместе с государственной казной [2, с. 758]. О размахе архивного дела свидетельствует то, что император Марк Аврелий в конце II века н. э. постановил, чтобы отец ребенка, если дело происходило в провинции, в течение 30 дней после рождения сообщал имя новорожденного государственному архивариусу (*tabularius*) [15, с. 393].

Личными архивами могли обладать любые римляне, во всяком случае – патриции, всадники, писатели, купцы, военачальники, управленцы всех уровней и т. п. Плиний Младший сообщает, что ему достался личный архив дяди, знаменитого энциклопедиста Плиния Старшего, включающий «сто шестьдесят записных книжек, исписанных мельчайшим почерком с обеих сторон: это делает их число еще большим» [9, с. 46]. Любопытная деталь: сам дядя говорил Плинию Младшему, что ему предлагали за этот архив, когда он был меньше по объему, 400 000 сестерций [9, с. 46], что равнялось тогда имущественному цензу всадника. Следовательно, некоторые частные архивы уже в то время были ходовым товаром.

Наконец, в Древнем Риме были библиотеки, что становится понятным, если представить себе, насколько мощной и производительной по тому времени была книжная отрасль, область производства в империи.

Римляне знали слово «книга» по-латински (*liber*, *codex* etc.), однако термин «библиотека» предпочли заимствовать из древнегреческого (*bibliotheca*) ввиду его удобства, т. к. под библиотекой тогда понимали:

- 1) книжный шкаф, книгохранилище;
- 2) книжный зал, читальня, общественная библиотека;
- 3) коллекция книг [2, с. 102].

Все значения термина «библиотека» того времени входят друг в друга: коллекция книг может находиться в общественной читальне и размещаться в книжных шкафах. Подобное сочетание наиболее ярко, как нам представляется, проявлялось в римскую эпоху в книжных лавках (*libraria*), что сыграло свою роль в словообразовании новоевропейских языков, поскольку почти во всех из них библиотека обозначается словом с корнем «*liber*».

Римские библиотеки, равно как архивы, делились на государственные или общественные и частные, личные библиотеки. Овидий в одном из посланий косвенно свидетельствует о наличии в Риме не одной общественной библиотеки, когда советует своей книге сторониться «общественных зданий» [14, с. 341]. Ко времени императора Тацита библиотеки стали, пожалуй, обыденным и массовым явлением культурной жизни общества: «Корнелия Тацита, историка эпохи Августа, он приказал, называя его своим родственником, поместить во всех библиотеках. Для того, чтобы его книга не пропала из-за равнодушия читателей, он распорядился каждый год делать с нее 10 списков на государственный счет и распределять... по архивам и библиотекам» [4, с. 294]. Луксорий уточняет возможное местоположение библиотек:

Если, книжка, твой путь – к книгохранилищам
Тех вельмож и того пышного форума...
[16, с. 483].

Значит, библиотеки для римской публики находились в центре города, причем этого принципа размещения общественных библиотек держатся и поныне. Общественные библиотеки были и в провинциях империи, становясь там крупными центрами сосредоточения общественной жизни. Апулей свидетельствует: «...а курией самого Карфагена или его библиотекой. Итак, если я произнесу нечто

достойное курии, представьте себе, что вы слушаете меня в самой курии, а если речь будет отличаться ученостью, – что вы читаете ее в библиотеке» [15, с. 346]. Из этого следует, что в Карфагене, крупном городе, было два значительных общественных здания – курия и библиотека, обе в форме распространенной тогда базилики, а также упомянутый Апулеем ранее амфитеатр. Располагала общественными библиотеками и знаменитая Александрия, которая, вероятно, оправилась от пожара, устроенного Юлием Цезарем во время войны с горожанами и мятежниками, т. к. во времена императора Домициана именно Александрия служила основным источником восстановления книг, сгоревших от пожаров в Риме: «Он восстановил библиотеки, погибшие от пожара, выписывая книги отовсюду, главным образом, из Александрии» [5, с. 134–135].

Некоторая ограниченность сведений об общественных римских библиотеках вполне искупается наличием множества свидетельств о личных книжных коллекциях, которые, как мы разясняли выше, также обозначались термином «библиотека». Плиний Младший, описывая другу свою домашнюю библиотеку, дает своего рода методические рекомендации по ее обустройству: «...комната, закругленная в виде абсиды: солнце, двигаясь, заглядывает во все ее окна. В ее стену вделан, как бывает в библиотеках, шкаф, где находятся книги, которые надо не прочесть, но читать и перечитывать» [9, с. 37]. В другом месте он же просит выполнить портреты знаменитых писателей в красках и скульптуре для украшения личной библиотеки, этот обычай был широко распространен [9, с. 78; 4, с. 294]. Само наличие библиотеки для культурного римлянина было настолько обычно, что римский архитектор Витрувий оставил указания, в какой части дома ее устраивать. Массовое распространение личных библиотек засвидетельствовано для времени императора Валента II: «... по всему Востоку... каждый предавал огню свою библиотеку» (что было обусловлено политическими гонениями того времени, причем сжигали все книги подряд, включая юридические и художественные) [5, с. 307]. Личная библиотека была частью богатства владельца, как пишет Апулей и Аполлинарий Сидоний, а поэтому тщательно оберегалась [15, с. 54, 56; 17, с. 571]. Последнее обстоятельство, а именно – библиотека как символ богатства, общественного статуса владельца, становилось модой у разбогатевших выскочек, вольноотпущенников типа Трималхиона в «Сатириконе» Петрония, который гордо заявляет, что «теперь у меня три библиотеки: одна греческая, другая латинская» [12, с. 263], а сам, наверное, не вполне понимает значение этого слова, причем настолько, что даже путается в счете. Для представителей римской знати личная библиотека подчас становится инструментом воздействия на общественное мнение с целью создания определенного эффекта, как великолепно замечает, например, историк Юлий Капитолин о Гордиане Младшем: «Учитель его Серен Саммоник, ближайший друг его отца, до такой степени был привязан к нему и любил его, что, умирая, оставил Гордиану младшему все книги своего отца Серена Саммоника, которых насчитывалось до шестидесяти двух тысяч. Это обстоятельство подняло его на недостижимую высоту: получив в дар

такую богатую и великолепную библиотеку, он приобрел во мнении людей славу блестяще образованного человека» [4, с. 205]. Подобное отношение к частным библиотекам со временем породило иную тенденцию – их стали переоборудовать, например, под обеденный зал [18] и другие более нужные владельцу помещения. Даже такой кабинетный ученый, книжник, как Плиний Младший, уделил библиотеке всего несколько строк, зато подробно и обстоятельно, в четырех абзацах, описал свои бани, сады, хозяйственные постройки и пр. [9, с. 37–38].

Раз в Риме существовали библиотеки, то встает вопрос, как хранились книги? Если для табличек и пергаментных тетрадей это не проблема, т. к. их можно разместить лежа в нишах в стенах помещения, то со свитками гораздо сложнее: свиток не может лежать на горизонтальной поверхности, не раскручиваясь, не скатываясь в силу своей формы, что привело бы к порче книги. Здесь не спасет и пергаментный переплет, о котором мы уже говорили, ибо свиток на столе все равно будет лежать ненадежно, а кроме того, неудобно – на этот стол ничего больше не положишь без риска повредить книгу. Поэтому римляне складывали свитки в особого рода «ящики», по выражению Плиния Младшего [9, с. 63]. Эти ящики (*scrinium*, *librarium*) представляли собой круглые, цилиндрические в сечении коробки, ларцы, которые делали из букового или кипарисового дерева. Выбор древесины также неслучаен, ибо Авсоний предупреждает о другой опасности: «...храниться в кедре или пойти в пищу жучкам и червям» [19, с. 202]. Современная консервация и реставрация книг ищут способы борьбы с вредителями фондов, а в римских библиотеках для этого успешно использовались органические, натуральные вещества. Так, Гораций советует хранить книги, «натертые кедровым маслом и сохраненные в полированном кипарисе» [10, с. 351, 401], и в этом ему вторит Персий, говоря о книгах, «достойных кедра» [7, с. 99]. Кедровое масло здесь служит для отпугивания вредителей книг, а также, равно как древесина бука и кипариса, для сохранения книг от сырости и гниения.

Субъективным результатом работы всей книжной отрасли Древнего Рима было то, что римляне много и увлеченно читали. У Луксория говорится: «...у каждого свой вкус из читателей» [16, с. 483], что свидетельствует о наличии целевых и читательских потребностей публики, с которыми приходилось считаться книжной торговле как главному распространителю книг. В то время читали во всех мыслимых позах – стоя, сидя, очень часто лежа [15, с. 338], но неизменно – вслух, декламируя. Св. Августин на заре средневековья был очень удивлен, когда ему показали человека, умевшего читать про себя. Причина такого пристрастия к чтению вслух, скорее всего, в том, что в римскую эпоху главным умением было искусство речи, которое римляне звали риторикой и которому их учили, даже в позднее время империи, греки. При римской общественной системе четкая, красивая речь стоила очень дорогого: без нее нельзя было выиграть суд – любимое развлечение античных людей, нельзя было вести войска, постоянно готовые взбунтоваться, нельзя было заниматься политикой и дипломатией (не зря эфирский царь Пирр говорил о своем софисте Кинеасе, что тот завоевал

ему больше городов своим языком, нежели сам царь – мечом) и пр. Кроме того, римляне и греки были страстными почитателями театра, в чем нетрудно убедиться и ныне – пьесы греческих драматургов ставят до сих пор, а театр той эпохи требовал, в первую очередь, развитой речи. Наконец, если читать вслух, то восприятие информации улучшается, значит, и понимание тоже, что является основным итогом любого чтения.

Римляне, особенно состоятельные, держали для чтения рабов-чтецов (*anagnostes*, *lector*), которые либо прислуживали хозяину во время чтения (например, держали свиток), либо читали вслух то, что было необходимо владельцу. Эти рабы, безусловно, совершали при чтении ошибки и тогда, по свидетельству Плиния Младшего, происходило следующее: «...кто-то из гостей прервал чтеца, сбившегося на каком-то слове, и заставил повторить прочитанное» [9, с. 46]. Римляне выбирали для чтения место и обстановку, совсем чуждые нам для того же. Гораций говорит о чтецах «...на форуме, даже и в бане, ибо в затворенном месте звончей раздастся их голос» [10, с. 227], а также в театре, на пиру и т. д. Отношение римского общества к тем, кто много читает, по существу, было таким же, как и сейчас. Практически все римские писатели, поэты – Овидий, Гораций, Ювенал, Персий, Марциал, Авсоний, Тибулл и др. – сходятся на том, что жизнь, проведенная с книгами, прекрасна и добродетельна, однако не приносит ни средств к существованию, ни любви окружающих, ни славы, по крайней мере, при жизни, ни богатства, ни власти. Поэтому то, что мы можем читать творения титанов древнеримской литературы – Вергилия, Горация, Овидия, есть заслуга римского всадника Гая Цильния Мецената, друга императора Августа и покровителя названных поэтов, само имя которого сохранилось благодаря ответной любезности стихотворцев. Гораций подводит итог:

Был бы лишь добрый запас мне и книг и провизии на год,
Чтоб суеты я не знал, неуверенный в часе ближайшем...
Впрочем, довольно просить, что Юпитер дарит и уносит:
Жизнь лишь и средства пусть даст – сам душе я покой уготовлю! [10, с. 321].

В заключение нашего экскурса в книжный мир Древнего Рима хочется вспомнить сентенцию одного римлянина, Теренциана Мавра: *HABENT SUA FATA LIBELLI* [20, с. 141], т. е. книги имеют свою судьбу, и зависит она, конечно, от вкусов и настроений читателей как в эпоху римской античности, так и сейчас, на пороге третьего тысячелетия.

